

НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации А.А. Заусаева
«Феномен пространства в путевых очерках П.В. Анненкова и
В.П. Боткина» (Череповец, 2014), представленной на соискание
ученой степени кандидата филологических наук
(специальность 10.01.01 – русская литература)

Творчество крупнейших в середине XIX века очеркистов и критиков Анненкова и Боткина было недостаточно изучено при их многогранности. Тем более не исследовались пространственные аспекты в их очерках (проблематика художественного пространства и художественного времени вообще очень слабо разработанная область в нашей науке). Поэтому данная диссертация уже по теме является новаторской.

Заслуживает уважения методологическая опора диссертанта на феноменологическое учение в философии, что дает ему возможность по-новому рассматривать пространственную проблематику изучаемых очерков, а также по-новому соотносить обе части во всегда важной для гуманитария паре «объективное-субъективное». Анненков, отмечает А.А. Заусаев, «предпринимает свое путешествие по /.../ культурному пространству, он стремится сосредоточить свое внимание на уникальных, именно ему важных особенностях этого пространства. Он стремится сделать предмет своего описания не столько созерцаемые явления искусства (архитектура, интерьер, пейзаж), сколько индивидуальные смыслы их восприятия, основанные на личностных качествах субъекта» (с. 95). И фактически значительная часть диссертации посвящена анализам именно «индивидуальных смыслов восприятия», столь характерных и для Анненкова, и для Боткина. Надо пожелать диссертанту в дальнейшем расширить привлечение к литературоведческому творчеству наследия феноменологов, особенно отечественных (А.А. Заусаев лишь мельком ссылается на гениального Г.Г. Шпета). Ведь наше ранне-советское (один остряк говорил: «древне-советское») литературоведение очень хорошо питалось феноменологизмом (почтенный москвич Н.М. Гайденков говорил мне после Отечественной войны, говорил шепотом и оглядываясь: «Ведь мы все были феноменологами»).

Хочу подчеркнуть и умелую четкость А.А. Заусаева в выделении главных антиномий в исследуемых объектах:

соотношение природного и социального начал в описаниях очеркистов;

выделение двух типов пространства: географическое и культурное;

выделение по другому принципу: однородное и неоднородное пространство («пространство Испании предстает перед автором /Боткина – Б.Е./ как неоднородное» - с. 117).

Немало и других новаций встречается у А.А. Заусаева.

Подробно и интересно сопоставляются разные по ряду показателей «Письма из заграницы» и «Путевые записки» Анненкова (§ 1 2-й главы).

Замечательно раскрываются различия пространственных описаний у Боткина и Анненкова (с. 144-154). А в Заключении отмечаются и сходства у двух авторов.

Ряд интересных открытий в диссертации вызывает желание уточнить их или добавить что-то к ним.

С. 39-40. Очень хорошо поставлен вопрос о предмете и вещи. Автор определяет предмет как выделенный объект, а вещь как «продукт деятельности человека» (с. 40). Понятие вещи надо бы терминологически расширить – ведь камень тоже может быть вещью! Пожалуй, более точны юридические границы, названные в словаре Ушакова: вещь это предмет, могущий быть чьей-то собственностью (далее А.А. Заусаев будет говорить об этом). Тогда и камень может стать вещью. Но опять возникает сомнение: могущие быть чьей-то собственностью дом, улица, город – вещи? Дом с некоторыми колебаниями могу назвать вещью, а улицу и город – никак! Очевидно, следует нам учесть какие-то количественные показатели, становящиеся качественными. Поэтому странно выглядит такая фраза: «... в поле нашего зрения оказываются вещи, которые можно объединить в следующие тематические единства: площадь как место сбора людей, рынок как место торговли, дом как архитектурное строение...» (с. 40). Увы, не могу я площадь и рынок назвать вещами! Но А.А. Заусаев и далее будет очень широко использовать этот термин.

С. 53. Географические образы Испании «можно расположить в виде пирамиды». Но следовало бы сказать о «перевертыше» -- это ведь пирамида, поставленная на вершину (уровни идут, все снижаясь: от целой Испании до конкретных мест).

С. 61. Разочарование Боткина в некоторых испанских видах, которые он воображал, читая «Дон Карлоса» Шиллера. Любопытно было бы напомнить легкие разочарования дотошного комментатора А. Звигильского, проехавшего через всю Испанию по маршруту Боткина и нашедшего несколько пейзажных фантазий (или ошибок?) Боткина.

С. 65. «Здесь проявляется характерное для феноменологической установки обращение к собственному сознанию» (речь идет об описании корриды). Стоило бы уточнить: еще больше следует обращение к собственным чувствам. Психологическое, эмоциональное состояние – важный элемент описаний (да об этом и А.А. Закусаев не раз будет говорить).

С. 88 и след. Очень интересен и важен § 2 2-й главы («Явление умолчания...»), но хотелось бы видеть более обстоятельный анализ этого замечательного принципа (тут всплывают и переход через нуль, и лотмановский минус-прием, и японский эстетический принцип пустоты...).

С. 123 и след. Хорошо рассмотрена тема «Боткин о Мурильо». Неплохо бы еще сопоставить очерк Боткина с характеристиками Ап. Григорьева, обожавшего художника (в знаменитой «Мадонне» видел сходство со своей любимой женщиной) и много о нем сказавшего.

С. 158-159. В самом конце Заключения А.А. Закусаев дает, так сказать, интенцию: что можно исследовать в продолжение содержания диссертации – изучение художественного пространства в других жанрах и изучение категории времени. С удовольствием отмечу, что сам диссертант не забыл о времени, он изредка уже обращался к нему в диссертации: на с. 31 говорил о моделировании «темпоральных категорий», на с. 88 писал о «восприятии пространства сквозь время «и о «хронотопе», в 3-й главе особенно подробно и интересно анализировал исторический аспект боткинских описаний (с. 128-138) и прямо говорил о «двух измерениях: временном и пространственном» (с. 132); и на следующих страницах исторические моменты будут постоянно возникать при анализе путешествий. Но хотелось бы более пристального внимания к соотношению пространства и времени как главных составляющих нашего мира, особенно в первых двух главах.

В завершение раздела отзыва о дополнениях позволю себе добавить еще два замечания.

Одно – относительно частное. В 1-й, боткинской главе автор остановился на Мадриде и Севилье, но жаль, что не включил Гранаду, где Боткин особенно чувственный и природный и где так много места уделено привлекавшим серьезное внимание очеркиста маврам-арабам. Впрочем, в 3-й главе Гранаде отдана небольшая дань: см. с. 135-137.

Второе – тоже относительно частное, но более профессиональное (литературоведческое). А.А. Заусаев в своей свежей работе, бедной исследовательской литературой предшественников, все же использовал около 130 источников (см. Библиографию), ссылается на них и в самой диссертации. Хотелось бы пожелать при сведениях о занимавшихся изучением и изданием путевых очерков Анненкова и Боткина увидеть критические оценки. Особенно печалит простая описательная констатация данных о Парижской трилогии Анненкова в серии «Литературные памятники» (1983) и о приложенных к книге статей И.Н. Конобеевской и В.А. Смирновой (см. с. 17). К сожалению, это один из немногих позорных фактов в истории замечательной серии. Авторы статьи изобразили Анненкова чуть ли не марксистом, по крайней мере представили не существовавшее влияние Маркса на русского либерала. Но учитывая, как трудно было провести сквозь частокोल суровой советской цензуры сочинения антидемократического «эстета» Анненкова, мы, редколлегия «Литературных памятников», вынуждены были примириться с научной фальсификацией. Но совершенно недопустимо грандиозное количество искажений, ошибок, анекдотических переводов и объяснений, которыми наполнились комментарии. Это – тяжелый грех на моей душе (я был ответственным редактором книги). Конобеевскую мне рекомендовал знаменитый И.С. Зильберштейн, и в авральной спешке подготовки и печатания книги в Москве, я не поехал в столицу читать корректуру, понадеявшись на рекомендателя. Много ошибок оказалось и в главных текстах. Одну из них не заметил А.А. Заусаев, процитировав Анненкова на с. 145: Марофонская битва! Увы, имя Анненкова принесло книге большой успех, в 1984 и 1985 гг. были допечатки тиража, который дошел почти до 100 тысяч экземпляров.

Что касается полемических упреков, то я остановлюсь лишь на одном, но существенном. Автор диссертации как бы поддается либеральному благодушию Боткина и делает радужные выводы относительно контактов мусульман и христиан в Испании: «Очевидно, две религии, два культурно-исторических пространства, так сильно стремившиеся вытеснить друг друга из Испании в течение нескольких веков, в конце концов, слились воедино. Это вызывает у Боткина особое видение Испании: “Страна взаимных уступок и сделок, и вследствие этого – страна терпимости и кротких нравов...”» (с. 118).

Тем более несогласие с этим растет, что А.А. Заусаев еще и несколько спрямляет и приглаживает Боткина: ведь в этой цитате Боткин говорит не об Испании, а о Европе, но автор диссертации купюрует слова «Европа» и переносит смысл цитаты на Испанию. А

для Боткина Испания-то как раз не совсем Европа, она (по крайней мере, в архитектуре!) связана и с Азией, и с Африкой (в других местах и сам диссертант отделяет Испанию от Европы – см., например, с. 139, – как говорит он и о «конфликте двух противоположных культур» – «мавританской и европейской», с. 140). Однако в Испании А.А. Заусаев видит синтез двух культур! Возможно, в архитектуре можно найти влияние мавританства, но трудно согласиться с диссертанцем, что Испания стала «страной терпимости и кротких нравов». Как бы Боткин ни либеральничал, как бы ни радовался чертам терпимости у встречных испанцев, но ведь в «Письмах об Испании» мы находим столько примеров жестокости и насилия, начиная с варварского изгнания арабов, с изгнания иудейской веры и кончая кровавыми событиями XIX века (я уже не говорю о последующих веках, о которых Боткин и не знал).

Диссертация и автореферат написаны хорошим научно-четким стилем, автор совсем не злоупотребляет современными пристрастиями к латинским, греческим и англизированным терминам. Кажется, единственная любовь диссертанта к «чужим» терминам, это экфразис. Эта любовь приводит к относительно частому употреблению почти тавтологического сочетания экфрастическое описание. Да, экфразис – тоже описание, но так как это описание более узкой сферы и так как в изучаемых текстах очень много встречается описаний такого рода, то использование данной «тавтологии» извинительно.

При научной четкости изложения я только один раз встретил неясно построенную фразу: «Несмотря на то, что анализируемый нами текст состоит из законченных очерков, мы будем его рассматривать как органическое целое» (с. 88). Читатель сначала никак не может понять, почему законченность очерков может противостоять органическому целому («Несмотря на то...»). Но потом уясняешь: речь идет о наличии отдельных самостоятельных очерков, которые в то же время следует рассматривать как единое целое.

Автореферат хорошо отображает все основные положения и выводы диссертации.

Диссертация может быть использована в вузовских лекциях и спецсеминарах по истории русской литературы XIX века, а также теоретиками литературы при изучении жанров (конкретно – при изучении жанра путешествий) и при изучении категорий пространства и времени в художественном творчестве. А философам диссертация предлагает ценный материал по использованию методологических принципов феноменологии в исследовании художественной литературы.

Таким образом, диссертация «Феномен пространства в путевых очерках П.В. Анненкова и В.П. Боткина» представляет собой самостоятельное исследование, соответствующее требованиям, указанным в пп. 9, 10 «Положения о присуждении ученых степеней», и является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для филологической отрасли знаний.

Предлагаемый труд А.А. Заусаева по свежести и новизне содержания вполне отвечает современным требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям по литературоведению, а автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – «русская литература».

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник-консультант
Санкт-Петербургского Института истории РАН
/Б.Ф.Егоров/

СПб., 20.12.2015